

Александр Степанович Грин

ПЛЕМЯ СИУРГ

I

— Эли Стар! Эли Стар! — вскрикнул бородатый молодой крепыш, стоя на берегу.

Стар вздрогнул и, спохватившись, двинул рулем. Лодка описала дугу, ткнувшись носом в жирный береговой ил.

— Садись, — сказал Эли бородачу. — Ты закричал так громко, что я подумал, не хватил ли тебя за икры шакал.

— Это потому, что ты не мог отличить меня от дерева.

Род сел к веслам и двумя взмахами их вывел лодку на середину.

— Я не слышал ни одного твоего выстрела, — сказал Стар.

Род ответил не сразу, а весла в его руках заходили быстрее. Затем, переводя взгляд с линии борта на лицо друга, выпустил град быстрых, сердитых фраз:

— Это идиотская страна, Эли. Здесь можно сгореть от бешенства. Пока ты плавал взад и вперед, я исколесил приличные для моих ног пространства и видел не больше тебя.

— Конечно, ты помирился бы только на антилопе, не меньше, — засмеялся Стар. — И брезговал птицами.

— Какими птицами? — зевая, насмешливо спросил Род. — Здесь нет птиц. Вообще нет ничего. Пусто, Эли. Меня окружала какая-то особенная тишина, от которой делается не по себе. Я не встречал ничего подобного. Послушай, Стар, если мы повернем вниз, будем сменяться в гребле и изредка мочить себе головы этим табачным настоем, — Род показал на воду, — то через два часа, выражаясь литературно, благородные очертания яхты прикуют наше внимание, а соленый, кровожадный океан вытрет наши лица угольщиков своим воздушным полотенцем. Мы сможем тогда, Эли, выкинуть эти омерзительные жестянки с вареным мясом. Мы сможем переодеться, почитать истрепанную алжирскую газету, наконец, просто лечь спать без mosquitos. Эли, какое блаженство съесть хороший обед!

— Пожалуй, ты прав, — вяло согласился Стар. — Но видел ли ты хоть одно животное?

— Нет. Я тонул в какой-то зеленой каше. А стоило мне взобраться на лысину пригорка — конечно, полнейшая тишина. К тому же болезненный укус какого-то проклятого насекомого.

— Ты не в духе и хочешь вернуться, — перебил Эли. — А я — нет.

— Глупости, — проворчал Род. — Я думал и продолжаю думать, что пустыня привлекательна только для желторотых юнг, бредящих приключениями.

— На палубе мне еще скучнее, — возразил Стар. — Здесь все-таки маленькое разнообразие. Ты посмотри хорошенько на эти странные, свернутые махры листвы, на нездоровую, желто-зеленую пышность болот. А этот сладкий ядовитый дурман солнечной прели!

— Вижу, но не одобряю, — сухо сказал Род. — Что может быть веселее для глаз ложбинки с орешником, где бродят меланхолические куропатки и лани?!.

— Послушай, — нерешительно проговорил Эли, — ступай, если хочешь. Возьми лодку.

— Куда? — Род вытаращил глаза.

— На яхту. — Стар побледнел, тихий приступ тоски оглушил его. — Ступай, я приду к ночи. Спорить бесполезно, дружище, — у меня такое самочувствие, когда лучше остаться одному.

Вопросительное выражение глаз Рода сменилось высокомерным.

— Насколько я понимаю вас, сударь, — проговорил он, свирепо махая веслами, — вы желаете, чтобы я удалился?

— Вот именно.

— А вы будете разгуливать пешком?

— Немного.

— Хм! — задыхаясь от переполнявшей его иронии, выпустил Род. — Так я вам вот что сообщу, сударь: в гневе я могу убить бесчисленное количество людей и животных. Бывали также случаи, что я закатывал пощечину какой-нибудь мало естественной личности только потому, что она не имела чести мне понравиться. Я могу при случае стянуть платок у хорошенькой барышни. Но бросить вас одного на съедение гиппопотамам и людоедам — выше моих сил.

— Я поворачиваю. — сухо сказал Стар.

— Никогда! — вскрикнул Род, стремительно ударяя веслами, причем конечное «да» вылетело из его горла наподобие пушечного салюта.

Стар вспыхнул, — в эту минуту он ненавидел Рода больше, чем свою жизнь, — и круто повернул руль. Через несколько секунд, в полном молчании путешественников, лодка шмыгнула носом в колыхающуюся массу прибрежных водорослей и остановилась. Стар спрыгнул на песок.

— Эли, — с тупым изумлением сказал огорченный Род, — куда ты? И где ты будешь?

— Все равно. — Стар тихонько покачивал ружье, висевшее на плече. — Это ничего; дай мне побродить и успокоиться. Я вернусь.

— Пстой же, консерв из грусти! — закричал Род, кладя весло. — Солнце идет к закату. Если ты околумишь, что будет с яхтой?

— Яхта моя, — смеясь, возразил Эли. — А я — свой. Что можешь ты возразить мне, бородаый пачкун?

Он быстро вскарабкался на обрыв берега и исчез. Род изумленно прищурился, подняв одну бровь, другую, криво усмехнулся и выругался.

— Эли, — солидно, увещательным тоном заговорил он, встревоженный и уже решившийся идти по следам друга, — мы, слава богу, таскаемся три года вместе на твоей проклятой скорлупе, и я достаточно изучил ваши причуды, сударь, но такой подлости не было никогда! Отчего это у меня душа болела только раз в жизни, когда я проиграл карамбольный матч косоглазому молодцу в Нагасаки?

Он ступил на берег, тщательно привязал лодку и продолжал:

— Близится ночь. И эта проклятая, щемящая тишина!

Легли тени. Бесшумный ураган мрака шел с запада. В величественных просветах лесных дебрей вспыхивало зеленое золото.